

ЛАНА ЛАНИТОВА

БЛУЖДЕНИЕ ВО СНАХ

18+

Русский эрос

Глаша и Владимир

Лана Ланитова

Блуждание во снах

«Автор»

2017

Ланитова Л.

Блуждание во снах / Л. Ланитова — «Автор», 2017 — (Глаша и Владимир)

«Блуждание во снах» – это третий роман эротической серии о похождениях дворянина и аристократа Владимира Махнева. (Начало серии можно прочитать в романах «Глаша» и «Царство прелюбодеев») Владимир Махнев – главный герой романа, сердцеяд и развратник, волею судьбы попадает в ведомство демона прелюбодейния. Он и не ожидал, что новая жизнь в странном потустороннем мире, мире призраков, окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических переживаний. На этот раз Владимир и его товарищи по несчастью отправлены по приказу их наставника Виктора в странные сны, которые не отличишь от яви. Похоть, страх и мистические тайны сопровождают наших сластолюбцев и в этих приключениях. Книга изобилует откровенными эротическими сценами. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лана Ланитова

Блуждание во снах

Предисловие

Дорогие мои читатели, перед вами открыта третья книга из серии приключений сердцеда и ловеласа, дворянина Владимира Махнева. Предыстория ее изложена в романах «Глаша» и «Царство прелюбодеев».

Если вы еще не читали эти два романа, то позвольте мне, как автору, внести небольшую ясность в ваши светлые головы и поведать краткое содержание двух предыдущих книг.

Жил-был молодой человек. Звали его Махнев Владимир Иванович. Он был умен, хорош собой, великолепно образован, имел изысканные манеры и славился обольстительными речами. Он даже умел сочинять недурственные стихи. К тому же он был достаточно богат и знатен. Все перечисленные качества не могли оставить равнодушным ни одно женское сердце. Скажем прямо: женщины буквально сходили с ума от нашего героя. И было отчего... Кроме перечисленных достоинств Владимир Иванович имел еще одно немаловажное – он был великолепным любовником. Многие дамы сочтут сие достоинство едва ли не самым значимым для мужчины.

Надобно сказать, что родился наш герой в России, в первой половине 19 века, в Н-ском уезде Нижегородской губернии. Проживал он вместе со своей матушкой в довольно богатом поместье и являлся распорядителем более двух тысяч крепостных душ.

Богатое поместье с виду казалось обычным, но на деле:

«...С постороннего взгляду Махнево было богатым и знатным поместьем. Все, как положено: господа важные, благородные, сами собой – гладкие. Чаи на террасе попивают, разговоры ученые ведут. И все-то у них красиво и аккуратно: дома крепкие, сады и цветники ухожены, скотина откормлена, лошади крупастые. Да и мало ли еще каких приятностей и безделиц для услады глаз хозяйских имеется. Всего не перечислишь...»

Только слава дурная за именем водилась, и не то, чтобы слава, а так – слухи ползли, один нелепее другого. А слухи эти душком серным пахивали. Но кто у нас слухи-то пускает? Ясное дело: бабы глупые, а им набрехать – раз плюнуть. Они любого ославят, сплетен до небес насочиняют. Говорили, что барин Владимир Иванович во Христа праведного не верит, в церкву не ходит, а ведет себя, как отродье бесовское... Говорили, что он – то ли сектант, то ли молокан, то ли отступник. Потому как без чести и совести завел у себя гарем, словно султан иноземный. Говорили, что много девок и баб со свету спровадил, иные брюхатые от него ходют, во чревах отродья бесовские носят... Говорили, что бесы наградили его удом огромным – почти до колен, и что удище энтот окаянный покоя барину ни днем, ни ночью не дает: во все тяжкие с головой уводит...»

Молодой помещик Махнев Владимир Иванович, искушенный эстет, получил великолепное столичное образование и имел «вольные» взгляды на многие философские и жизненные вопросы:

«...Вы слишком зашорены общественной моралью. Она не дает нам воли для фантазии и смелости поступкам. Отбросьте все приличия, что навязало общество. Постарайтесь получить удовольствие от природы и тела своего, как это делали эпикурейцы. Наслаждайтесь, а не страдайте. Человеческий век так короток... И мы исчезнем очень скоро, о нас забудут быстро другие поколения живых. Было бы глупо не вкусить плодов на щедром столе познания наслаждений. В моих философских взглядах полно эклектики. Одно скажу: мне ближе те, что учат человека не страданию, а счастью... Надеюсь, вы помните знаменитую строчку у вашего люби-

мого Байрона: «Мудрецам внимают все, но голос наслажденья всегда сильнее разумного сужденья!»

Позвольте и вы себе побыть счастливой и вкусить сладость запретных плодов. Поверьте, эти яблочки намного вкуснее нашей антоновки...»

В сетях искушенного сластолюбца оказалась нежная и неопытная Глафира Сергеевна – сирота и дальняя родственница Махневых. По мере того как крепла любовь Глаши к своему соблазнителю, для нее все более очевидным становилось то, что ее возлюбленный одержим дьяволом. Так ли это было в реальности? Об этом, дорогой читатель, мы пока умолчим. Но Глафира Сергеевна, а равно и всё окружение нашего героя, всё добропорядочное и православное общество считало что это – именно так. Скажу вам более: такого же мнения о самом себе и собственных поступках был и наш герой. А посему, примем пока на веру именно эту версию: только сам дьявол мог толкать господина Махнева на похотливые деяния и бесчестные поступки.

Владимир Махнев не только любил заниматься развратом в своей «знаменитой бане», но и был пристрастен к опию и гашишу. Среди части европейской аристократии той эпохи была очень популярна так называемая «опиумная культура», пришедшая из стран Востока.

Владимиру были симпатичны восточные традиции. Он часто цитировал Байроновского «Дон Жуана», который побывал в Османском гареме. Он и сам мечтал о «восточной деспотии» и завел своеобразный гарем из русских Лушек и Марусь.

Порочные мечты и вседозволенность привели главного героя к пресыщению женским полом. Он выписал себе из Турции «живую игрушку» – несчастного кастрата, по имени Шафак. Но и греховная любовь к юноше быстро закончилась – у Владимира нет долгих пристрастий. Волей судьбы Шафак и стал его «главным проклятием». Юноша из ревности убил своего господина...

«...Последнее, что увидел пред собой Владимир Махнев – было лицо любовника Шафака, искаженное страшным гневом. Обезумевший от одиночества, тоски и ревности, маленький несчастный юноша, словно хищный зверек, выдавив окно парной, пробрался внутрь барского вертепа. Смуглые пальца иноземца крепко сжимали булатный кинжал. Владимир безмятежно спал, развалившись, меж двух пышнотелых красоток. Турок, ослепленный мстью, подошел к нему и одним махом перерезал горло.

* * *

Прошло около получаса... От бревенчатой, плохоосвещенной стены, на которой роились странные ночные призраки, отделилась высокая фигура... Это был господин в темном, длинном плаще, черный цилиндр бросал тень на невидимое лицо. В комнате запахло сыростью и летучими мышами. Гулко прозвучали его шаги... Невероятным было то, что никто из обитателей барского вертепа не слышал и не видел этого странного господина. Все спали, и сон их на тот момент, внезапно стал мертвецки глубоким. Один из присутствующих любодеев, истекая алой кровью, струящейся из глубокой раны на белую простынь, уснул уже навсегда...

Темный господин осмотрелся и медленно подошел к Владимиру.

– Ну что, мой сельский Казанова, с душой поэта и с привычками султана... Я думаю: увидимся мы снова – дитя порока и слуга кальяна. Мой дерзкий лицедей и чуткий кукловод, софист и циник... Bravo! Славно! Ты славно потрудился на меня... И ждет тебя роскошная награда...

Он присел на край постели, рука, облаченная в темную перчатку, погладила русые кудри и бледный лоб Вольдемара, закрыла серые стеклянные глаза.

– Ты отдохни немного, минет век один – я разбужу тебя и снова вдохновлю на подвиги лихие Дон Жуана. Немало слабых душ ты погубил – доволен я тобою, Вольдемар! Поспи,

сынок. Не смог я уберечь тебя. На время выйди из игры... Но помни: скоро я вернусь. Нас ждут с тобой великие дела!

Темный господин запахнул полу длинного плаща, его высокая фигура затрепетала в полумраке комнаты, воздух содрогнулся огненным вихрем – раздался громовой хохот, и господин пропал – будто его и не было. Свечи потухли, вокруг воцарилась зловещая тишина. Банная горница наполнилась едким запахом серы...»

Нередко романы заканчиваются смертью главного героя. Особенно, если герой отрицательный. Часто сие печалит читателя, ибо, не смотря ни на какие проступки, герой становится близким, симпатичным и даже вызывает сочувствие. Реже успокаивает, ибо, негодяй, грешник и злодей наконец-то получает по заслугам.

В нашей истории все произошло иначе: смерть героя – это был не конец, а начало новых, неожиданных приключений.

После того как Владимир Махнев скинул своё брненное тело, подобно поношенному костюму, он почувствовал, что жив, как никогда прежде. За ним тут же явился обаятельный демон, по имени Виктор, и повел увлекательную беседу:

«...А ты подумал: жизнь, она – одна, и надо бы прожечь ее сполна. «Кто спросит?» – думал ты, – «нет Бога, нет и Сатаны?». Глупец! А что, попы у вас «Закон» читали? А, я забыл, ты ж церкви избегал... И правильно делал, – удовлетворенно крикнул он. – Кстати, попы вещают о другом – мол, душа живет ОДНАЖДЫ. А после – две дороги: в Ад иль в Рай. Что более по вкусу – выбирай, – он снова хмыкнул. – Не мне судить попов. Не моя прерогатива, к сожалению, но то, что говорят они, порою... заблуждение. И каждый смертный отмечает многие рождения. Душа меняет лишь тела и опыт вечный обретает...»

Он отводит нашего героя в свое царство – диковинный край, где живут и проходят уроки души, замеченные в грехе «прелюбодейния». Владимир и не ожидал, что новая жизнь в странном потустороннем мире, мире призраков, окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических переживаний.

Секс с дьяволицами, дриадами, русалками, рукотворными нежитями, выпаренными в лаборатории специально для плотских утех – это далеко не полный перечень его похотливых деяний в «Царстве прелюбодеев». Демон толкает нашего героя на все новые грехи и одновременно проводит с ним «воспитательную» работу.

В этом мире наш герой знакомится со своими соседями – такими же, как и он, учениками: купцом третьей гильдии Макаром Тимофеевичем Булкиным; учителем гимназии Родионом Николаевичем Травиным; мещанкой Екатериной Дмитриевной Худовой; думным дяком Гороховым Федором Петровичем, проживающем у демона со времен Ивана Грозного; с врачом-прозектором Генрихом Францевичем Кюхлером; цыганкой Эсмеральдой Ивановной; ведьмой, по имени Полин и многими другими персонажами.

Все эти встречи вплетаются в дивный узор приключений нашего пытливого русского Дон Жуана. А демон меж тем не дремлет – он строит новые козни своим подопечным и дает им все новые уроки. Один из первых уроков – это преодоление «гордыни». Как его проведут наши герои, в какие истории они попадут, какие новые эротические приключения с ними произойдут – вы узнаете, прочитав эту книгу.

Глава 1

Благ зиждителя закон:

Здесь несчастье – лживый сон.

Счастье – пробужденье.

О! не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана...

Василий Жуковский (Баллада «Светлана»)

Гордыня, сыграв в человеческой комедии подряд все роли и, словно бы устав от своих уловок и превращений, вдруг является с открытым лицом, высокомерно сорвав с себя маску.

Франсуа VI де Ларошфуко

– А он хорош, ma chère, ты не обманула нас, – откуда-то сверху, словно гулкое эхо, прозвучал хрипловатый женский голос.

– А что я говорила!? – радостно отозвался другой, более приятный голосок.

– Смотри, какой нежный дворянчик оказался – до сих пор без сознания лежит. Что ты с ним сотворила?

– Помилуйте, да ровным счетом ничего страшного. Правда, показала один из нижних пределов. И «огненное море» показала. А он взял, да и потерял сознание, – обескуражено ответила вторая.

– Отчего бы ему, Поленька, не потерять сознание? Ты, верно, предстала во всей красе – вот он и «скапустился», – хохотнула третья дама.

– Ах, да ладно... Месс, когда я предстала во всей красе, он еще что-то соображал. А вот когда я совсем нечаянно столкнула его в пропасть – он тут же отключился.

– Нет, вы полюбуйтеесь-ка на нее! Нечаянно! Она еще делает удивленные глаза. Запугала бедного кавалера! И главное, чем? Эх, кабы он знал, что все эти страсти-мордасти с огненными морями и орущими напоказ грешниками не что иное, как театр, дешевая бутафория.

– Тише, тише. А вот об этом не надо вслух. Не забывай, его уроки только начались. Виктор чтит законы и любит, чтобы все выглядело натурально, по крайней мере, до поры до времени.

– Ах, по мне, все это так устарело...

– Это как посмотреть. Я же, напротив, нахожу в этом огромную пользу. Не приходится слишком долго объяснять, что к чему. Все ярко, просто и наглядно. Человек должен чего-то бояться, а иначе никак. Если отпустить узду и кнут, он такого накуролесит.

– Ну, это вы так считаете. По мне, так страх – не лучшее лекарство. Свобода выбора и ответственность – вот что должно определять духовный рост или регресс любого индивида.

– Ой, девочки, вы снова начали этот извечный мудреный спор. Давайте, не будем. В любом случае – не нам судить о методах Виктора. Он здесь главный, и ему решать.

– К чести Владимира, не больно-то он пугливым оказался. У меня с ним, когда в первый раз было, то Виктор назло крутанул «внутренние часы», и я состарилась лет на сто, не меньше.

– Ого! И что? Он, верно, опешил? Быстро соскочил с любовного ложа?

– Соскочил. Но надо отдать ему должное: завершил начатое с успехом!

Все три дамы от души рассмеялись.

– Да, он просто душка, – с нежностью в голосе молвила одна из подруг. – Я наблюдаю за ним давно. И повторюсь: он далеко не трус.

– Ой, как я люблю настоящих мужчин. И мне он нравится мне все больше и больше, – певуче подтвердила третья фемина. – Одно плохо – он до сих пор не пришел в себя. Не надо было его в пропасть толкать. Не хватало еще, чтобы он от потрясения импотентом стал!

– Не станет. Очухается. Нет, вы будто меня упрекаете в чем? А что мне делать-то оставалось? Он, по идее, сейчас не здесь должен быть, а в спектакле под названием «пекло» или «позорного столба». А потом и на урок отправиться. Я уж и так на свой страх и риск своевольничала и слушалась патрона – нашего визави сюда приволокла. Виктор им преподавал урок о «гордыне». У него нынче четыре ученика. Двое – один молодой, румяный и мордастенький, а другой – худой с бакенбардами, лет сорока – сидеть остались. Я не знаю: кому он их, бедненьких, на «растерзание» отдаст, и как накажет. Какие спектакли им устроит? Да и какая, в сущности, разница? Владимира мне вот поручил. А черноволосую бабенку он приказал забрать Георгу и Марселю. Те утащили ее для начала в «цирк».

– Бедняжка... Она хорошенькая? – хриплым, словно прокуренным голосом, поинтересовалась первая дама.

– Ты знаешь, вполне славная: стройная, белокожая. Правда, на мой вкус: немного сухопара. И грудь маленькая... Оу, да она точно понравится тебе!

– Когда ее освободят?

– Виктор сказал через пять часов. А что, тебе уже не терпится?

– Да, хотелось бы взглянуть.

– Ты можешь слетать. Она в соседнем пределе. Я могу только догадываться: ее сейчас, наверное, секут.

– А публики в цирке много?

– Много. А на первом ряду сестры Переспеловы – собственной персоной.

– Ну, те стервятницы своего не упустят. И к бабке ходить не надо: заставят надругаться над ней по полной, – нервно проговорила обладательница хриплого голоса.

– А тебе-то что? Пожалела? Ты, что ли, у позорного столба никогда не стояла?

– Стояла, Поленька. Оттого и интересуюсь: сколько часов Виктор назначил?

– Ну, если тебя это беспокоит, то лети и спасай. Проводи с ней сама урок, если есть желание.

– Пускай часа три помучается, а после и слетаю, – нарочито лениво отозвалась первая дама и зевнула. – Рано еще...

– Она хочет потом ей слезки утирать, – хохотнула третья. – Ведь так, Мег?

– Не утирать, а слизывать, – рассмеялась вторая.

– Вольно вам пересмешничать. Да, люблю я худеньких: с ребрышками, с острыми ключицами, узкой спинкой, маленькой, упругой попкой и изящными ступнями, – с вызовом произнесла Мег. – Нет, дамы, ежели у этой Катьки будут толстые щиколотки и широкие ступни, я оставлю ее Георгу и Марселю на все десять часов.

– Знаем мы твои пристрастия, гурманка!

– Ах, вы не можете вообразить, как сложно подобрать нужный вариант. Бывает, из тысячи не найдешь. Я одну обхаживала еще при жизни последней на земле. Было это около трех веков назад, в пригороде Кёльна. Соблазняла, как могла: и инкубов, и суккубов ей во снах подсылала – красивых, отменных «нежитей». И слова любовные с утренним ветерком нашептывала, и нежным шелком по грудям маленьким водила, и перышками павлиньими писеньку нетронутую ласкала. А она вскочит среди ночи, глаза сумасшедшие, карие, вытаращит и шепчет горячечно: «Кто тут? Кто? Прочь, нечистый!». И молиться начинала. Босая, в одной тонкой рубашонке, сядет на краешек кровати и смотрит в темноту по углам. Хнычет от страха... Я зверела от страсти, когда слышала ее тоненький плач.

– А ты показывалась?

– Нет, нельзя было мне. Она девственницей была. Ее сильно охраняли. Я лишь однажды, ночью, когда «белокрылые» бдительность потеряли, обернулась кошкой и на кровать ее прыгнула, аккуратно меж ножек стройных.

– Кошкой-то черной?

– Ну, неужели же белой? Брр... Что вы меня перебиваете?

– Продолжай, – хохотнула одна из дам.

– Так вот, в образе кошки я принялась ей так истово облизывать пухлые губки... et clitoris, что девочка моя сначала испугалась и крикнула: «Тетя, откуда эта кошка? Прогоните ее. Видно, она со двора прибежала!» И понять ничего не может: отчего ей так хочется этой погибельной ласки?

– А тетка что? Прогнала тебя?

– Как бы ни так. Я девочке рот-то смолой колдовской залепила. Она кричит, а звуки-то и не идут. Она на помощь зовет, а не слышит ее никто. Она руки тянет, чтобы шугнуть непрошеную гостью, а пальцы онемели – сонной паутиной пауков-птицеедов тело опутано. Особенно ноги... Я раздвинула и опутала ей ноги... И вот заструилась у нее влага пряная – я усилила свои ласки. О, как я алкала ее первый оргазм. Она выгнулась дугой, да и кончила так сладостно, что чуть в обморок не свалилась. А как пришла в себя, так и зашептала: «Господи, помилуй! Что это было со мной? Как хорошо-то, господи!»

– Видать, не так уж сильно ее охраняли, раз ты, Мегилла, смогла выследить эту недо-трогу, – раздался ехидный смешок. – И как это, при твоих способностях, ты упустила такое сокровище?

– Да, я сумела бы рано или поздно ею овладеть, если бы не отец Эверт.

– Что, такой праведник оказался?

– В том-то и дело, что нет! Отец Эверт был известным греховодником. И все бы у меня получилось, если бы не случай.

– Ах Мег, все «случайности» так тщательно готовят. Уж кому, как не тебе об этом знать.

– Возможно...

– Ну, расскажи ты толком о своей возлюбленной.

– Отец Эверт был, так сказать, финальным аккордом всей этой грустной истории. А до того... Долго рассказывать... – хотела отмахнуться Мег, но передумала. – Ну ладно, так и быть – расскажу. Как вы уже догадались, моя возлюбленная была истовой католичкой. Звали ее Эмма. Она была сиротой и проживала со своей старой теткой, сухощавой воблой. А ту и хлебом не корми, дай лишь помолиться, да на исповедь сбегать. Она и племянницу воспитала в том же духе. Но больно хороша была Эмма, чтобы я от нее отступилась. Впервые я повстречала эту черноволосую прелестницу на берегу Рейна, в конце зимы. Она возле старого мостика белье полоскала. Склонилась, ручки тонкие, словно веточки, покраснели от ледяной воды, черные пряди выбились из-под чепца на мраморный, высокий лоб, карие глазищи на темную черешню похожи. Полощет свои тряпки жалкие, а губки пухлые что-то шепчут. Прислушалась – немка песенку незамысловатую поет: «meine liebe»¹ или что-то в этом духе. Фальшиво, но так мило и трогательно. Я залюбовалась на то, как она ротик округляет. «Ну, погоди, красавица, ты у меня узнаешь meine liebe». Я тут же поцеловала ее. Но Эмма ничего не поняла – только губы дрожащие сомкнула, да рукой за куст ухватилась, чуть в воду не упала. Смотрит по сторонам испуганно. Но нет никого. Я туманом по воде холодной изошла, а потом птицей обернулась и улетела в небо.

– Немка и вдруг черненькая. Разве они не все рыжие и блондинки?

– Нет, конечно. Представь, есть и замечательные брюнетки. Я как увидела ее, так и покоя навсегда лишилась... Стала следить. Она на базар – я тенью следую, в корзинку тайно штризели² с изюмом, цветочки и пряники марципановые, колбаски чесночные подкладываю. Она приходит домой, глаза тарасит: откуда, мол, такие щедроты? А тетка ей: «Видать, ухажер у

---

¹ Meine liebe – моя любовь (нем.)

² Штризель – (австро-нем. Striezel) кондитерское изделие, приготавливаемое из куличного сдобного дрожжевого теста с изюмом и пряностями.

тебя тайный появился. Смотри, блюди себя, как подобает! И близко никого не подпускай». Она ей: «Откуда же, тетя? Я шла и оглядывалась – на пять шагов ко мне никто не подходил! Ума не приложу: откуда сии дары?» А тетка – сколопендра, брала все желтыми, сухими ручонками и выбрасывала в мусорную корзину, для виду. А девочка моя лишь вздыхала и шла пустую кашку кушать.

Тетка же, втихоря, вынимала всю снедь из ведра и чревоугодничала по ночам в полнейшем одиночестве.

– Ты не отравила эту милую родственницу?

– Отравила, но не сразу... Так вот, приходилось Эммочке в кашку шпанскую мушку³ подсыпать. Сыпала такие порции, что хватило бы и для десятка флегматичных одалисок.

– И что? Неужто не пробрало?

– Пробрало. Измучилась она вся. Так мне хотелось материализоваться перед ней, обнять, успокоить. Но пока она не согрешила, было нельзя. Мне и надо-то было, чтобы она отдалась какому-нибудь Зигфриду, Хартману или Гансу. Если бы Эмма потеряла невинность, я бы от нее никогда не отстала... Принялась я потихоньку ей таких молодцев подсылать, каким бы сама королева отдалась, без промедления. То на рынке с кем-нибудь сведу, то в роще, по дороге к реке. А однажды такого красавца прямо к дому привела, торговца булавками и платками. Уж он и глядел на нее пылко и ласково, обнять пытался, руки сильные к талии тянул. А Эмма маялась от тяги телесной, но знай, про себя молитву читала и ловко увертывалась от ухажеров.

Однажды случилось так, что подогнала я прямо к тому мосточку, где она белье стирала, молодца на резвом скакуне. Он ехал в Кельн, но свернул к реке, лошадей напоить. И скажу я вам, что был этот мужчина красавец писанный, испанских кровей. Ни дать ни взять – идальго. Ну, думаю, дело слажено. Перед этим усачом она точно не устоит. Редкостный красавец – насилию такого сыскала. Всю дорогу его путала, с пути сбивала, к Эммочке своей вела. Думаю, вот оно... Сейчас он взнуздает мою кобылку, ибо кобылка готова была – какую ночь не спала от тяги плотской. Казалось: позови ее – сама под мужчину бросится. Аж глаза от истомы закатывала, моя рейнская зазноба.

– Ну и?

– Терпение... Как глупа бывает жалость, глупа и недалновидна. Идальго наш, увидев Эмму, тут же воспылил к ней тяжким желанием. И нет, чтобы пригласить мою дурёху в трактир, поухаживать за ней, вином угостить. А уж потом и приступить к соблазнению.

– А он что же?

– О, иногда все происходит совсем не по намеченному сценарию: глупость и плохое происхождение путают все карты. Он начал скороговоркой ей что-то говорить по-испански, выкапывать черные глазищи, словно сумасшедший, ножками шаркать, плащом крутить. Навозом, лошадиным потом, нечистым телом от него пахло... Эмма испугалась, покидала свои мокрые тряпки в корзину и хотела улизнуть от кавалера.

– Вот как?

– Он, видя, что дама близка к бегству, не стал мешкать, но повел себя совсем не как рыцарь благородных кровей. Он схватил Эмму в охапку, закинул на седло и поскакал в поисках теплого жилища.

– Ого, какой прыткий!

– Ну, да. Вначале я возликовала. Подумала: дело слажено. Этот точно сделает из Эммы женщину. Казалось бы, чего еще мне желать? Путь его был недалог. Увидел старую мельницу, а рядом домик заброшенный, бывший амбар с соломой – туда и поволок мою красавицу. Стал душегрею меховую, платок клетчатый, чепец вязанный с нее срывать. Юбка шерстяная, толстая была – завязок не нашел. Задрал подол по самые грудки маленькие. Я затаилась тенью

---

³ Шпанская мушка – известный афродизиак. Средство для возбуждения либидо.

на потолке и смотрю сверху на всю эту картину. Под юбкой у моей прелестницы оказалась холщовая рубаха и синие чулки вязанные. Я дыхание затаила, как увидела при ярком свете ее лобок черный и кожу на животе, белее снега январского. И этот синий цвет толстых чулок на фоне нежного, нетронутого тела, окончательно свел меня с ума...

– О, старая эстетка! А Эмма-то что?

– А Эмма моя от страху чувств лишилась. Без сознания девочка была. А этот мужлан достал свое грозное орудие и ноги ее мягкие раздвинул. Они распахнулись так легко, словно у куклы тряпичной. Дамы, увидев эту дубину, я поняла, что ею он проткнет мою худенькую возлюбленную насквозь.

– Что, такой огромный? – обе женщины рассмеялись. – Да, Мег, как это ты обремизилась... Надо было рыцаря-то с более скромным достоинством искать.

– Не то слово... Да и не рыцарем он оказался. Под обликом идалго скрывался грязный виллан. Мне жалко стало Эмму. Она к этому времени очнулась и пыталась бороться с насильником. Стоит ли говорить, что силы были неравные. Но нетерпеливый чужестранец вместо ласки и поцелуев, одарил мою девицу грубостью. Они возились в борьбе. А я летала под потолком старого амбара и мучилась от жалости. А после он совершил свою самую большую в жизни ошибку – он ударил ее по лицу. Вот тут-то я не выдержала. Я обернулась летучей мышью, упала с потолка на голову испанцу и выцарапала ему глаза. Он орал дико, размазывая кровь. Крик его во всех окрестных деревнях был слышен. Эмма наскоро оделась и убежала из сарая домой. Она неделю в чувства приходила.

– Вот те на! Ну, что за карамболь...

– Оправилась она от потрясения, да только моя любовь к ней за эти дни еще сильнее стала. Я пыталась всячески соблазнить Эмму и получить власть над ее телом и душой, да вышло все иначе... Почему и проклиная себя за жалость. Моя дуреха в итоге побежала в католический храм, что в северной части города: храм святого... – рассказчица нахмурила лоб, будто что-то припоминая, – тьфу, забыла какого святого...

– Как посмела ты забыть его имя?! Не помнить имени святого отца – это же святотатство! Грешница! – Месс шутовски округлила глаза.

– А, это туда, где отец Эверт служил? – перебила ее Полин.

– Ну да... А отец Эверт был еще тот «святоша». Несмотря на целибат⁴, не гнушался услугами «горячих» прихожанок, а также монашек из соседнего монастыря. Он за столом любил с молитвенником сидеть. А под столом, накрывшись черной сутаной, меж ног, всякий раз новая послушница таилась. А отец свои бесстыжие маленькие глазки к небу закатывал и кричал: «Отче! Спаси и сохрани нас, грешных!» – аккуратно в пиковый момент, как его жирное тело от оргазма сотрясалось... Вот моя Эмма и пришла к нему в конфессионал⁵ на исповедь. Коленки острые на ступеньку деревянную поставила, юбочку шерстяную ручонками оправила, вздохнула протяжно и зашептала в решетчатую перегородку: «Отец, меня бесы искушают. На грех напутствуют. Я измучилась! Как мне быть?»

– Ха-Ха! И что этот святоша «утешил» несчастную?

– Если бы! Тогда мне, пожалуй, удалось ее наконец-то к себе забрать. И тут вмешался «его величество случай». Отец Эверт, конечно же, «положил глаз» на усердную католичку и по достоинству оценил ее красоту еще до того, как Эмма в кабинку зашла. Но! Он, как назло, в тот день сильно переел. Целого ягненка за один присест проглотил и штруделей творожных кучу. Моя зазноба кельнская не в урочный час к нему явилась. Он только рот открывал и отдувался – мучила отрыжка. А потому, страдая от собственного чревоугодия, он в тот день всех прихожан

---

⁴ Целибат – обет безбрачия, как правило, принятый по религиозным соображениям.

⁵ Конфессионал (исповедальня) – в римско-католической церкви и некоторых англиканских церквях, место (кабинка) отведенное для исповеди.

призывал к умеренности в пище и отказу от мясного. А когда полный желудок подпирал так, что тревожно ныло сердце, то и вовсе рекомендовал строгий пост.

– Вот, каналья! – с жаром воскликнула одна из дам.

– Еще какой каналья! Так на чем я остановилась? Эмме, в ответ на жалобы, он дал четкие наставления: «Кайся и постись, дочь моя. Проявляй смирение и милосердствуй. Воздержись от мясной пищи не только во все пятницы Великого поста, но и ежедневно. А в «Пепельную среду» посыплешь голову пеплом и покаешься истово. А в «Страстную неделю» пей одну лишь воду, и бесы покинут тебя. Как сделаешь все это, сразу же приходи в церковь». А потом почесал пузо и добавил: «А, впрочем, будет тяжело, приходи пораньше. Можешь даже завтра, вечером. И вот, еще что... Случай твой весьма серьезен. Как бы ни пришлось, заняться расследованием. Дева, ты постись, а ежели не поможет, то нам придется строгим дознанием и пыткой, повелеть нечистому покинуть твое бренное тело, дабы душа могла спокойно в рай войти», – после этих слов он рыгнул.

– И что твоя Эмма?

– А что Эмма? Она и так тощая до невозможности была. Но, как послушная католичка, вняв наставлениям священника, стала поститься еще истовей, а вернее голодать. Она до того допостилась, что ослабла и умерла от вульгарной инфлюенции. Весна в тот год холодная стояла. Продуло – много ли ей надо? Опоздала я. Понятно, что тут же «белокрылые» налетели целой толпой, ее под худенькие рученьки вмиг подхватили. Так щебетали радостно, наверное, нимб ей на голову приляпали. Вот так-то.

– Какая печальная история. Мегилла, умеешь ты тоски нагнать.

Повисла небольшая пауза. Каждая из трех дам думала о чем-то своем.

– Нет, слушайте, мне надоело ждать! Мы что здесь собрались скучать о потерянных любовниках и любовницах? Их на наш век хватит! Сколько этот Володенька будет без сознания? – решительно произнесла третья. Та, которую звали Месс. – Полин, окати ты этого страдальца водой!

* * *

Владимир почувствовал на лице что-то мокрое: вода потекла на шею и за воротник. Противно зачесался затылок. Несколько капель попали в рот и нос. Он чихнул и открыл глаза. Сквозь пелену тумана мелькнуло что-то пестрое: яркие розовые, голубые и зеленые тона; расплылись чьи-то лица и снова соединились в одно светлое пятно; пахло дамскими духами и восточными благовониями. Тяжелые веки не хотели открываться, его снова тянуло в обморочный сон, тупая боль отдавала в виски.

– О, очнулся и снова отключился! – проворковала Полин. – Я перехвалила вас, Владимир Иванович. Неужто вы такой впечатлительный?

На лицо вновь попали холодные брызги. Он вздрогнул: «Где я? Последнее, что я помню, был ужасный огонь, море огня. И стонущая людская толпа. О, эти вопли!» Он резко встал и схватился за голову. Из глубины сознания лезло пламя, запах паленого мяса, гарь, дым и жуткая, нечеловеческая боль. Его замутило, судорожные спазмы скрутили горло. На глазах навернулись слезы. Он снова упал, голова почувствовала что-то мягкое.

– Полин, ты хотела, чтобы он нас немного развлек, но мне почему-то кажется, что сегодня он ни на что уже не способен. Смотри, слезы, слюни... Не хватало еще нам испражнений другого характера. Приведи его в чувства, иначе я полечу к брюнетке в «цирк». Мне надоело взирать на обморок твоего бледного аристократа, – хриплым голосом, раздраженно проговорила Мегилла.

Владимир снова открыл глаза. Теперь все краски стали четче. Напротив него сидели три роскошные дамы. Одну из них он сразу узнал. Это была Полин Лагранж.

«Какое счастье, здесь Полин, – подумал он. И тут же осекся, вспомнив о ее страшных метаморфозах. – Это же она сбросила меня в огненную бездну. Она – коварная дьяволица».

– Ну, вот мы и очнулись! – ласковым голосом возвестила Полин. – Месье Махнев, мне хотелось бы немного прояснить обстановку, проще говоря, ввести вас в курс дела. Если вам не изменяет память, я забрала вас с урока, на котором ваш наставник читал лекцию об одном из смертных грехов, называемых «гордыней». Чтобы вы не подумали на мой счет, кем бы меня не вообразили – все равно истина останется иной. Я и сама, порой, настолько далека от истины, что забываю, кто я есть на самом деле. – Она нервно хохотнула. – Да и само понятие «истины» что это? Понятие о некотором абсолюте? Если вы думаете так, то я не открою тайны, поведав, что все в природе относительно. И любую истину мы постигаем лишь в соотношении к чему-то. Мне кажется, еще Вольтер сказал однажды: *«Люби истину, но будь снисходителен к заблуждениям»*. Иногда я пробуждаюсь с четким осознанием того, что я – несчастная маленькая девочка, брошенная всеми, невинная, оболганная и жутко одинокая. И мне кажется, что все мои грехи – это не более чем мираж, трагические, но к счастью, преодолимые обстоятельства. И лишь сам «злой рок» повинен в том, кем я стала. Но уже к вечеру, этого же дня, я ощущаю себя совсем иначе. Мститесь, что порочней меня нет никого на всем белом свете. Что я способна погубить не только одну или пару человеческих душ, но и десятков, сотни душ, и целые народы и государства. Хотя, последнее утверждение, пожалуй, слишком самонадеянно. Дело не в этом. Я лишь пытаюсь пролить слабый свет на собственную персону. Я могу быть жестока до исступления, а могу быть и ласкова и невинна, словно дитя. Могу быть молода и до неприличия похотлива, а могу рассыпаться в прах от дремучей старости. Хочу сказать одно: я живу в адском царстве намного дольше, чем вы. И мною давным-давно пройдены, положенные каждому грешнику уроки. У меня здесь несколько иной статус. Не скрою, я помогаю нашему Аргусу во многих делах. У меня с Виктором особые отношения, – последние слова она произнесла не без гордости и блеска в темных глазах.

– Полин, не слишком ли много красноречия при несоответствующих обстоятельствах? – перебила ее другая женщина. – Я прилетела сюда чуточку пошалить, но время идет, а дальше разговоров мы никуда не двинулись.

Владимир перевел взгляд на говорящую. Это была плотная шатенка в платье с широким декольте. Из кружевного ажурного лифа, словно персики из взбитых сливок, возвышались аппетитные груди. Ниже шла затянутая в корсет, тонкая талия. Она была одета в темно-зеленое, атласное платье, отороченное широким кружевом. Густые волосы локонами обрамляли милое лицо с тонкими, античными чертами.

– Благодарю, Месс. Я, действительно, люблю иногда поболтать. Это – моя слабость. Кстати, вначале я хотела бы, Владимир Иванович, представить вам своих давних подруг. Познакомьтесь, эту красавицу зовут Мессалина, а для близких друзей просто – Месс.

При этих словах шатенка улыбнулась кончиками губ и легонько кивнула мелкой породистой головой.

– Вторую мою подругу зовут Мегилла.

Теперь Владимир смог рассмотреть и другую незнакомку. Судя по всему, именно она была обладательницей хриплого голоса. Она выглядела немного сухопарой и бледной. Черные, прямые волосы отливали бархатом вороньего крыла и были уложены в строгую, высокую прическу. Стройная фигура Мегиллы не поражала выпуклостью форм: под темным гипюровым платьем топорщилась маленькая, почти плоская грудь, длинные руки казались слишком худыми, выступали и острые ключицы. Но вместе с тем в ее облике было что-то такое, что притягивало любопытный взор. Узкое лицо выглядело приятным. Особенно прекрасными казались огромные, чуть раскосые, черные глаза. Они, то сияли холодным и бесстрастным взором, то наливались ужасающей, черной смолой, в которой полыхало огненное пламя.

«Наверное, жутко нервная особа, – подумал Владимир. – Такие худышки часто бывают страстны до иступления. Либо она истеричка, либо поклонница лесбийской любви».

– Ну, а со мной, Владимир Иванович, вы уже имели удовольствие познакомиться и не раз, – Полин кокетливо рассмеялась, потряхнув каштановыми кудрями.

– Где я? – тихо спросил Владимир.

– Вы, Владимир Иванович, в полной безопасности. Я унесла вас в соседний предел. Он граничит с вотчиной Виктора. Но дело в том, что Виктор вас здесь пока не видит. В данный момент вы находитесь в шатре, стоящем посередине малообитаемой пустыни. Не бойтесь, Виктор не хватится вас. Он думает, что вы со мной. Патрон безмерно доверяет мне, а я – коварная, как всякая женщина, получившая хоть маленькую толику доверия, вопреки всяческой логике и, пренебрегая правилами элементарной благодарности и даже безопасности, готова пойти на подлог, обман и банальный, на первый взгляд, глупейший, адюльтер. Зачем мне это все? Да за тем же, зачем и вам. Вспомните, с какой легкостью вы при жизни меняли одну женщину на другую. И делали это тем быстрее, чем скорее красавица объяснялась вам в любви и начинала смотреть молящими глазами прирученной лани. Или чего хуже – недоенной коровы. Ах, как нелепа влюбленная женщина! Она способна совершать такие пошлые глупости... Я, кажется, вновь увлеклась, – Полин медлила. И, повернувшись к подругам, произнесла: – Вы знаете, дамы, о чем я, находясь здесь, уж точно ни разу не пожалела? Это о том, как часто, именно здесь, я смогла брать верх над мужчинами. Да еще какими! Приятно иногда осознавать, что и мужчина способен смотреть не глазами равнодушного победителя, а глазами побитого, преданного пса, лежащего возле ног хозяйки.

– О, я чувствую, у меня был взгляд именно побитого пса, когда вы, Полин, предстали в совершенно ином облике... – медленно произнес Владимир, смерив Полин взглядом, в котором сквозил намек на слабую усмешку.

– Да был, – торжествующе улыбнулась она. – Но сделала я сие не только затем, чтобы потешить женскую гордыню и почувствовать над вами власть. Мои метаморфозы были маленькой мстостью за ваши бестактные мысли о дряхлости моего тела и за нежелание продолжить любовную игру...

– Вы имеете в виду нашу первую встречу? – Владимир приподнял бровь.

– Именно.

– Вы несправедливы ко мне, Полин. В тот день вы переступили порог моего дома юной красавицей, а ушли из него ее прабабушкой. Я – новичок в этом царстве тьмы и до сих пор теряюсь от быстротечности его изменений. Надо отдать должное – вы и в старушках были довольно милы...

– Ах, плут! То-то ты меня так быстро выставил за двери.

– Полин, время идет, а мы вынуждены слушать ваш интересный во всех смыслах диалог.

– Да-да, простите! Так вот, Владимир Иванович, проще говоря, я похитила вас на те, пять часов, которые мне предоставил Виктор.

– Уже не пять, а значительно меньше. А из-за твоей любви к пустой болтовне нам придется скоро благополучно вернуть его Виктору, – тонкие губы Мегиллы кривились от ироничной усмешки.

– Всё, всё. Я полагаю, мы быстро перейдем к делу. Итак, Владимир Иванович, я готова сделать предложение, от которого вы вряд ли откажетесь: вы должны продемонстрировать свои мужские способности и по очереди удовлетворить телесное желание нас троих. Я думаю, что при жизни вам удавалось за одну ночь иметь и большее число любовниц. Правда, они не были ведьмами и не знали с нечистой силой, – расхохоталась Полин и с вызовом посмотрела на Владимира.

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, то она отнесет вас к «огненному морю», подвесит над пропастью за ногу и оставит там часов на пять. А может и больше. Ведь наша Полин так забывчива: она способна проболтать о пустяках пару часов кряду и забыть о том, что ее где-то ждут. Правда, Полин? А вы, Владимир Иванович, будете висеть в нескольких локтях от расплавленного металла и ждать свою спасительницу так, как не ждали никого и никогда. Поверьте, это ожидание будет во сто крат сильнее ожидания пылкого любовника предмета своей острой страсти, – в голосе Мегиллы слышался неприкрытый сарказм.

– Расплавленный металл – это, пожалуй, слишком. А если серьезно, то во время сегодняшнего урока вы, Владимир, должны были оказаться возле «позорного столба», и гадкая толпа, состоящая в основном из простолоудинов и жалких плебеев, должна была высечь вас в обнаженном виде. Обычно так Виктор проводит урок, посвященный «гордыне». Через это проходит почти каждый грешник. Ибо «гордыня» – это коренной грех, присущий каждому смертному в той или иной степени... – спокойным тоном добавила Месс. – Виктор считает, что после подобной экзекуции с каждого гордеца слетает хотя бы половина его заблуждений. Кому не помогает один «позорный столб», он «прописывает» еще парочку. И заметьте, это было бы лишь прелюдией. Потом бы вас послали на нудный и изматывающий своей очевидной банальностью урок, схожий с обычной человеческой жизнью. Вы бы и сами не поняли, где в нем начало и где конец. И что из него следует.

– Ну, наш патрон бывает подчас так изобретателен в этом вопросе. Было время, он любил всех толкать в жбан с испражнениями или обливать смолой, валять в перьях и выставлять в таком виде на всеобщее обозрение. Таким образом, *Ex malis eligere minima*⁶, дорогой господин Махнев, иначе мы пожалеем о вашем жалком жребии, – равнодушно обронила Мегилла.

Владимир осмотрелся: судя по мягким, пропускающим слабый свет, узорчатым стенам, он действительно находился в довольно большом шелковом, восточном шатре. Сбоку от него стояла позолоченная курительница в виде птицы Феникс, из крючковатого клюва которой валил густой, похожий на опиумный, бурый дым. Владимир понял, что сам он лежит на полу среди множества шелковых тканей, мягких подушек и газовых платков. От противоположной стены отделилась Полин. В ее руках поблескивала прозрачная, темно синяя чаша, наполненная какой-то жидкостью, от которой струился беловатый пар. Полин присела возле Владимира и протянула чашу. В нос ударили ароматы розового масла, апельсина, сандала, мяты и еще чего-то неведомого и такого притягательного. Только теперь Владимир почувствовал, что просто-таки изнывает от жажды.

– Пей, Вольдемар. Это волшебный напиток. Он придаст тебе любовной силы.

Он наклонил голову и выпил жидкость большими, жадными глотками. По телу разлилось приятное тепло. Он немного захмелел: все стены восточного шатра заискрились россыпью таинственных огней. Огни мрели и множились, танцевали и разлетались в стороны. Откуда-то потекла волнительная восточная мелодия. Зашелестели тугие бубны, запела сладкоголосая серебряная флейта. Стало настолько хорошо, что Махнев расхохотался и вскочил на ноги.

– Ого, какой приткий, – прозвучало недалеко от его уха.

Казалось, что благовония растеклись по всему шатру, от этого воздух стал густым и чуть молочным, словно жемчужный перламутр. И в этом тумане он различил женские голоса и нежный смех.

– Дамы, черт меня побери, но кажется, я согласен... В общем, я к вашим услугам, – выпалил Владимир с глупой улыбкой на губах.

В ответ раздался дерзкий смех.

– Где вы, очаровательные блудницы? Куда подевались? Из-за этого тумана я совсем не вижу вас.

---

⁶ Из всех зол выбери наименьшее (латынь).

Плечи, руки и живот ощутили прикосновения чьих-то маленьких и легких ладоней. Горячие пальчики трогали тело, водили по волосам на груди, животе, спускались и ниже.

Было такое впечатление, что женские руки летают в воздухе сами по себе. А их владелицы находятся не здесь, а где-то далеко. Владимир тряхнул головой – наваждение не пропало. Руки, действительно, летали рядом, будто отчлененные, а сами дьяволицы беззлобно хихикали. Их смех назойливо лез в уши: он раздавался со всех сторон. Рук, как ни странно, оказалось не шесть, а гораздо больше. Внезапно он почувствовал и ясно осознал, что на нем уже давно нет одежды. Он стоял обнаженным, а по телу скользили женские ладони.

«Полно, плутовки, да вас тут не трое, – сквозь туман рассуждал Владимир. – Судя по количеству рук, меня ласкает дюжина красоток. Вы полагаете, что во мне столько сил?»

– Не бойтесь, господин Махнев, нас только трое! – раздался хриловатый и насмешливый голос Мегиллы.

Знакомая тяжесть в паху не заставила себя долго ждать. Фаллос напрягся так, что казалось, вот-вот треснет от натуги.

«Чем же они меня опоили? Я давно не ощущал подобного вожделения», – изумился он.

Ему чудилось: он не стоит, а плывет в воздухе, поддерживаемый лишь газовым покрывалом. Справа и слева от него парили подруги Полин. Руки и плечи ощущали гладкие, голые тела. На женщинах тоже не оказалось одежды.

«Отлично! Зато не пришлось возиться с корсетами и булавками. Все бы красотки умели столь же быстро разоблачаться», – рассудил он и усмехнулся. Его усмешку перехватила русоволосая Месс. Горячие губы впились сладким, сводящим с ума поцелуем. К бедрам прильнули стройные ноги, настырные руки сладострастниц, не стесняясь, путешествовали по телу Владимира. Худенькая рука Мег решительно схватилась за выступающий и горячий от возбуждения жезл. А через мгновение темная голова склонилась к пылающему паху. Владимир застонал от острого удовольствия – влажные губы и ловкий язычок прошли по воспаленному нерву пульсирующего ствола. Мегилла делала это особо искусно – Владимир готов был поклясться, что не испытывал ничего подобного.

– А-а-а, не торопись, желанная, я сейчас взорвусь... – прошептал он, тяжело дыша.

– Не взорвешься быстрее, чем я этого захочу, – зловеще прошептала Мег.

Одной рукой она схватила Владимира за волосы и резким движением запрокинула его голову так, что перед ее карминными губами оказалось его незащитное горло. Ему стало не по себе: «Снова горло... Не пугайте меня, мадам. Горло – моя слабость. А вдруг она вонзит в него клыки?» Другая рука наглой воительницы скользнула к сжатому от страха анусу. Владимир и глазом не моргнул, как тонкий палец Мег вонзился в его задний проход.

– О, нет! Я не играю в такие игры... – Владимир дернулся.

Он почувствовал, что тело не слушалось его. Он был обездвижен.

– Не играешь? А это мы посмотрим. Вдруг тебе понравятся мои игры, сластолюбивый барчук?

Мег отлетела в сторону. С лёгким скрипом она подкатила к Владимиру невысокий металлический столик на колесиках. И сам столик, и все пространство вокруг слегка покачивалось. Блестящая поверхность замысловатого столика приютила странные предметы: несколько золотых, инкрустированных египетской вязью и драгоценными камнями колец с разъемными замками, кожаные шнурки с золотыми шариками, несколько щипцов, зажимы, тиски, наручники и тоненькие металлические и костяные стержни разного диаметра и длины, увенчанные округлыми набалдашниками. Набалдашники также были испещрены непонятными знаками и древними иероглифами. Тут же находились предметы, напоминающие по виду мужские пояса верности с длинными шипами для уретры, а также странные металлические конструкции, состоящие из колец, переходника и внушительной анальной пробки.

И хотя в его богатейшей коллекции игрушек для плотских утех не было ничего подобного, Владимир быстро сообразил, для чего предназначен весь этот диковинный инструментарий, напоминающий арсенал хитроумного средневекового эскулапа. Сообразил, и ему стало жарко...

– Ну как? Что ты об этом думаешь? Жалко, у нас мало времени, и я не смогу применить к тебе и половины этих забавных штучек. Но кое с чем я тебя все-таки успею познакомиться. И если тебе понравится, мы можем и позже продолжить знакомство с моими игрушками. Многие мои любовники мужского пола имели возможность и честь оценить их волшебную силу... Знаешь ли ты, что часть этой коллекции когда-то служила одному сладострастному фараону, династии Птолемеев? О, если бы ты видел синие глаза этого развращенного юноши – «либертина»⁷ древнего царства, когда одна из его многочисленных, обученных тонкому ремеслу наложниц, терзала его чресла... Часами... Незабываемые глаза...

– Мег, я ценю ваш изысканный вкус, но понимаете, я не привык...

– Тебе надеть кляп? – дерзко перебила его Мег.

– Нет, – мотнул головой Владимир.

– Ну, тогда помолчи...

Решительным движением она выбрала одно из золотых колец, украшенных багровыми рубинами, и установила его у основания члена нашего героя. Щелкнул автоматический затвор, и кольцо плотно сжало упругую плоть, вызвав еще больший прилив крови к детородному органу. Вторым, похожим кольцом, она замкнула его мошонку так, что тестикулы напряглись, их сильно тянуло книзу. «Господи, что это? Она подвесила к кольцу грузило! Она что, хочет их оторвать?» – пронеслось в его голове.

Внутренняя поверхность мудреных колец была снабжена небольшими, но весьма ощутимыми шипами. Они входили в тонкую кожу, вызывая нервный зуд, граничащий с болью. Новые ощущения были столь остры и непривычны, что Владимир невольно застонал. Но готов был поклясться, что возбуждение его стало еще острее.

– Зачем мне отрывать твои яйца? – послышался влажный шепот Мег. – Я лишь немного помучаю тебя. А ргрос, анальную пробку я пока не буду ставить... Анус оставим неподготовленным. На твою попку, красавчик, у меня сегодня есть отдельные виды.

У Владимира перехватило дыхание.

– Итак, начинаем. Блудницы, вы готовы?

Из молочного тумана вышла обнаженная Полин и, грациозно раздвинув стройные ноги, села на Владимира в позе наездницы. После нескольких раскачивающих движений узкой и горячей плоти, она принялась скакать так, что у Владимира закружилась голова. Полин выглядела столь соблазнительно, что Владимир не мог оторвать восхищенного взгляда. Густые, вьющиеся локоны дрожали от сладострастной скачки и рассыпались по плечам, обнажая самую прекрасную в мире, белоснежную девичью грудь с торчащими розовыми сосками. Полин выгибалась и иступленно закидывала голову, волосы упруго щекотали его ноги. Губы Владимира по-младенчески тянулись к соскам, но Месс и Мегилла опережали его порыв и с жаром закрывали рот головокружительными, острыми как лезвия, чуть солоноватыми от крови поцелуями. Он потерял счет времени. Реальность перестала существовать, уступив место густому, бессознательному сну – сну, приводящему естество в один смертельный экстаз.

Мег руководила всем спектаклем. Спустя какое-то время она приказала Полин оставить нашего героя, а сама продолжила коварные манипуляции с его главным органом. В ход пошли металлические стержни... Владимир ахал и возбужденно стонал, когда его уретры касался холодный металл. О, нет! Он скользил туда... Мег смело орудовала этими зловещими палоч-

---

⁷ Либертин – последователь философского течения либертинажа. Так называли в 17 – 18 веках сторонников свободной, гедонистической морали. Заметным идеологом либертинажа был маркиз де Сад. (Примеч. автора)

ками, загоняя их на всю длину так, словно всю жизнь служила медицинской сестрой. Металл причиняла ему небольшую распирающую, щекочущую боль и одновременно жуткую и томительную сладость. Никогда ранее Владимир не испытывал ничего подобного. Ведьма отлично знала все особенности мужской анатомии. Ее тонкие, но вместе с тем прохладные, словно у покойницы, острые пальцы нажимали потаенные точки на его багровой плоти, и мозг взрывался от изысканной и сладкой муки.

– Ты еще не хочешь разрядиться? – ее ладонь с силой сжала его тестикулы. – Рано, я не позволю тебе это.

– Я – я... – только хрипел Владимир, закатывая глаза.

– Да... Ты – ты... Ты ни разу не был так беспомощен. Ведь ты всегда играл лишь верхние роли. Полюби разнообразие, мальчик мой... Сам фараон сейчас приветствует тебя. А, может, ты хочешь помочиться?

– Да...

– О, я и этого тебе пока не разрешаю. Терпи...

Его душа томилась от страшной неопределенности: то ему казалось, что новые, острые ощущения – это то, о чем он исподволь мечтал всю свою сознательную жизнь, то ему хотелось бранными словами обругать эту дерзкую черноволосую бестию и даже пнуть ее ногой... То его губы шептали странные слова любви и благодарности. То, о, ужас – от избытка чувств он вдруг неожиданно заплакал...

– Ну ладно, на время я освобожу тебя. Отдохни...

С этими словами Мег удалила внушительный металлический стержень, а после коснулась потайных замочков на кольцах, стягивающих его плоть. Раздался сухой щелчок, и Владимир почувствовал мгновенное облегчение. Натруженный орган упал набок.

– Ну вот, видишь, теперь я контролирую даже твой оргазм. Заметь, ты еще не заслужил его... В нашей маленькой игре нынче у меня преференции. Отдохни, милый. Дальше тебе придется еще труднее.

Обнаженная Полин стояла рядом и плотоядно облизывала губы.

– Полин, я знаю, что ты тоже еще не кончила. На время отложим наши оргазмы. Кончают быстро и без изысков только плебеи. Любовное ремесло, как и хорошая трапеза, не терпит спешки. Как говаривал мой любимый Октавиан Август? *Festina lente*.⁸ Нам всем надо чуточку отдохнуть и освежиться. Для начала я предлагаю слетать в подлунный мир. Куда-нибудь, где царствует ночь. Идет?

– О, да! – воодушевились подруги.

– И пусть лунный свет придаст всем нам силы!

Раздался свист и ведьминский хохот, и вся четверка взмыла в небо.

Владимир осмотрелся и обнаружил, что под ним отсутствует пол и стены шатра. Он едва только отошел от плотских шалостей Мег и довольно плохо соображал. О, как плохо он соображал!

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам! – с горьким сарказмом констатировал он. – Откуда эта ведьма знает все эти фокусы? Что я чувствую? Черт побери, я сам еще толком не понял, ЧТО. Но клянусь: еще час, другой подобных экзерсисов с моим старым другом, и я либо умру, либо стану ее вечным рабом...»

Приапические страсти на время покинули нашего героя, ибо его горячего лица коснулся порыв такого свежего ветра, что Владимир задохнулся от неожиданности.

На этот раз он летел, влекомый силой трех дьяволиц, высоко в темном, живом небе.

---

⁸ *Festina lente* – крылатое латинское выражение, означающее: «поспешай медленно».

Знакомые созвездия сияли холодным светом и манили душу в неведомые дали. Ночной простор пьянил сильнее молодого вина. А ведьмы несли его с хохотом над землей и сами упивались этой нечаянной прогулкой.

Внизу гирляндами газовых и факельных огней переливались спящие города. Куполообразные крыши церквей с позолоченными крестами, отливающие в темноте бронзовой чернотой, знакомые до боли и величественные в своей вселенской святости, они даже пахли по-особому: кадилом, воском, старым деревом, медными окладами, парчой, просфорами и... ветрами бунтующей весны. Эти ветры гудели меж крестов, пытались раскатать медные колокола и царапали мелованные стены ризниц. Казалось, что само небо над ними наполнено дурманом весенней ночи, от которой захватывает дух и проступают слезы радости и покаяния.

Им попадались и остроконечные готические шпили лютеранских кирх – строгие и лаконичные; золотые полумесяцы и звезды мусульманских мечетей – глянцевого, словно покрытых вязью кобальтовой финифти; треугольные фронтоны хоральных синагог. Мнилось, протяни руку и ухватишься за выступ высокой крыши. По мере удаления от городов, огни таяли, уступая место густой тьме, лишь изредка озаряемой цветами костров с отлетающими к небу искрами. Возле них грелись усталые путники и пастухи.

Ночное небо просветлело – из-за темных облаков выкатилась яркая луна – тоже живая и настоящая. Ее трепетный, волнующий свет залил землю холодным, рассеянным свечением. Внизу проступили квадратные, полосатые лоскутки полей, острова темно-зеленых, почти черных дубрав, кривые вены синих рек, дышащих белым туманом. Ведьмы спустились ниже. Руки и ноги Владимира окунулись в прохладную гущу листвы. Они летели над верхушками сосен, кленов, тополей и берез. Где-то, совсем рядом, он слышал плеск воды в реках и шорох ветра в ночном лесу.

«Неужели я снова в реальном мире? Ведьмы с легкостью перенесли из Преисподней в Божий свет. Как хорошо! Даже дышится легче. А запахи!» – восторгался он, ласкаемый тремя дьяволицами. Грудь с волнительным упоением вдыхала ночной, свежий воздух. До него долетали запахи лесного дождя, рыхлой земли, росистых трав. Медовый флер луговых цветов, свежесть яблоневых садов и томный аромат рукотворных розариев переплелись с духом распаренной хвои, горечью мхов, смородиновой пряностью прелых листьев. Как острую приправу он ощутил запах заячьего меха, птичьего пера; лежалый, шерстистый дух барсучьих и кротовых нор; мускусный, кислотный аромат крылатых, бронзовых жуков и склизких дождевых червей. Он будто уткнулся носом в пахучие заушины пушистых белок и лисиц, вдохнул зловонный смрад ревущей медвежьей пасти, и ощутил сладковатый привкус кровавой плоти на клыках голодного волка. Он почувствовал костяной, чуть паленый запах оленьих рогов, острую вонь щетины лесных кабанов, козких орешков и мочи дикой кошки.

Пролетая над жилищами, ноздри с жадностью вбирали запахи человеческой плоти: юной и зрелой, пышущей здоровьем и увядающей, с легким привкусом тлена и горечи. С немой тревогой, полной трепетного откровения, Владимир ощутил молочный, кисленький аромат всех живых младенцев. В жадные уши вливался их отчаянный, иступленный крик – первый крик нарождающейся жизни. Как он завидовал всем им, избранникам божьим, получившим возможность заново родиться и жить, вбирая без остатка все краски и оттенки этого святого дара, именуемого «жизнь».

Как осознание великой печали, с чувством вины и укора он ощутил многообразие запахов горячего человеческого пота, излитого в изнурительной борьбе за эту самую «жизнь». Казалось, что этим потом пропахла вся земля от пашен до судоверфей, от медных рудников до виноградной лозы. И, наконец, к этим запахам прибавился аромат страсти, идущий от тысячи ночных простыней – пьянящий аромат человеческой любви.

В эти минуты ему открылось слишком многое. И открылось с такой острой прямоотой и откровенной очевидностью, что он невольно содрогнулся.

– Полин, наш дворянчик совсем недавно в Преисподней, а уже так грустит по «божьему миру», – саркастически усмехнулась Месс. – Может, слишком рано мы вытащили его на нашу увлекательную прогулку?

– Вольдемар, мы верим в ваше благоразумие. Не стоит идеализировать то место, куда стремится ваша, пока еще неразумная душа. Ведь этот странный мир не столь прекрасен, как вы его почувствовали ныне. Согласитесь, что кроме аромата цветов и запаха любовных соитий, в нем есть запах страха, запах безысходности, запах нищеты, страданий и множества болезней, – проговорила Мегилла. – Знаете ли вы, что у каждой человеческой болезни есть собственный запах? Я уже не говорю о той изумительной вони, которая тяжелым облаком висит над полями брани на пятый или десятый день. А запах пороха и крови? А смрад гниющих ран, запах гангрены, наконец... А как воняют свалки, мясные бойни, рыбные склады, гниющие стоки и реки человеческих испражнений? А как, по весне, смердят распухшие трупы тех несчастных, кто замерз во время лютой зимы на дороге, в снежном поле или лесу? От чистого и молочного запаха новой жизни до благоухания разложившегося трупа один лишь шаг... И он подчас так короток. Не горюйте, Владимир. Вам предстоит еще столько всего узнать, чтобы душа прониклась истинным покоем и счастьем.

– Девочки, не будем о запахах, – сморщила прекрасный носик Полин. – Сейчас еще терпимо. А вспомните старушку-Европу пару веков назад? Мне казалось, что я не смогу пройти по улицам Парижа без опасения, что мне на голову вылетит содержимое ночного горшка какая-нибудь старая карга.

Владимир слушал молча. От пережитых потрясений его снова неумолимо клонило ко сну. Ему чудилось, что он лежит в детской колыбели и дремлет, укачиваемый доброй старой нянькой.

– Владимир Иванович, это в конце концов невежливо... Три дамы распинаются перед вами, а вы надумали уснуть? – резкий голос Полин вывел его из облака густой дремы.

– Будь снисходительна, Полин, – обронила Мег. – Наш любовник еще не отошел от моих игрушек, как вкусил сладость свободы. Бьюсь об заклад, что он от смешения чувств и вовсе позабыл о собственном оргазме. Ведь так, Владимир Иванович?

– Ну, нет, – надула губы Полин. – Мег, приведи его в боевую готовность. Слишком рано он расслабился.

Мег снова взяла инициативу в свои руки. Она продолжила неистовые ласки, которые отвлекли Махнева от романтических грез.

– Все свои игрушки я оставила в шатре. К ним мы еще вернемся. А пока я разрешаю тебе как следует кончить...

Полин довольно проворно заново оседлала его в позе наездницы. Теперь ее движения были еще неистовей. Ее подруги ласкали руками нежную грудь бесовки и верхнюю часть распянутого лона. Владимир почувствовал что, не смотря на колдовские манипуляции Мегиллы с его детородным органом, скоро наступит острая, доводящая до боли кульминация.

– О, черт! Я не могу... – выдохнул он и разрядился так бурно, как никогда ранее...

Казалось, что наизнанку вывернулась вся его телесная плоть, и раскололся мозг. Тело распалось на мелкие частицы и унеслось по длинному, розовому коридору, конец которого заканчивался черной дырой. Это естество Полин вспыхнуло навстречу и превратилось в длинный тоннель, вбирающий в себя всю живую и неживую материю. Вместе с Владимиром в зловещую круговерть, хохоча и отплеываясь от текущих в обилии любовных соков, с большой скоростью улетели и обе ее подруги. Сама дьяволица, задыхаясь от страсти и беснуясь, продолжала поступательно двигаться навстречу до тех пор, пока в темном пространстве не раздался сильнейший взрыв.

Все четверка оказалась в огненно-дымовом эпицентре. Владимир только успевал судорожно открывать рот, пытаясь ухватить хоть толику воздуха, тело покрывал холодный пот.

Напротив него все также, раздвинув ноги, восседала Полин с развевающимися, каштановыми волосами. Вокруг красным маревом текло пространство, собираясь в красный, тягучий комок. Этот комок дрожал и менял свои очертания. Он превратился в гигантские ярко-красные женские губы, губы раскрылись, обнажив острые, кинжальные зубы и огромную, глубокую, словно колодец, глотку. Глотка потянула всю энергию странного взрыва, губы сомкнулись и причмокнули, красный комок исчез за острыми зубами. А после исчезли и сами губы.

Владимир потерял сознание, а когда очнулся, голая спина ощутила что-то прохладное и влажное. До боли знакомый запах врезался в ноздри. Он приподнял голову, ладони уперлись во что-то мягкое и одновременно колкое. Это была трава. Он оторвал пучок и поднес к глазам: она выглядела обычной, земной, напоенной ночной росой и удивительно пахучей. Вдалеке послышался плеск воды и женский смех. Владимир сел. В свете яркой, луны он различил воды какой-то неширокой, быстробегущей речки – отсюда хорошо просматривался противоположный берег, также поросший сочными травами и пестрыми сонными медоносами. Вдоль пологого холма, касаясь друг друга лапами, словно девицы в хороводе, бежали высокие лохматые ели. Далее холмов, в синеющей густоте ночи, окутанные белым туманом, будто нарисованные на холсте, прямо из прозрачного воздуха, возвышались остроконечные вершины гор, покрытые белыми шапками снега.

В блестящих струях ночной реки плескались три обнаженные подруги.

– Вольдемар, иди к нам. Тебе надо освежиться, – раздался голос Полин. – Ты стал липкий, словно леденец.

– И столь же сахарный. Иди, наш медовенький... – вторила ей Месс. – Тебе надо прийти в чувства, ибо удовлетворена только наша Поленька.

– Ну, вот еще! Я удовлетворена лишь наполовину, – капризно отозвалась Полин и забила по воде сильными ногами.

– Полин, если он удовлетворит всех троих полностью, то станет инвалидом или разлетится в пыль, которую ты вряд ли уже соберешь... – усомнилась Мегилла. – А потому: хорошего помаленьку, ненасытная ты наша.

– Дамы, а мы где? – пробормотал, сбитый с толку Владимир.

– Мне кажется, мы где-то в Котских Альпах, – беззаботно ответила Полин, выходя из воды.

– А, по-моему, мы южнее, – усомнилась Месс, – в любом случае, здесь безопасно.

– Виктор меня не хватится? – Владимир с упоением рассматривал самую, что ни на есть настоящую земную, легкую, летнюю ночь.

– Не бойся, как ты уже заметил, мы не только умеем раздвигать пространство, но иногда удлинять, либо укорачивать время. Особенно, если вылетаем в Божий мир под покровом ночи, – улыбаясь, ответила Полин. Её обнаженное тело переливалось в лунном свете: капельки воды поблескивали на упругой коже плоского живота и нежной груди, торчащей от холода, острыми сосками. Влажные концы каштановых волос прилипли к плечам, мокрыми завитушками выступал внушительный лобок, на который все так же пялился Владимир.

«Надо же, вроде обычная женщина... Хотя, что я несусь? Она же ведьма! А эта штука, спрятанная в алькове стройных ножек, оказывается, может не только истово любить, но и взрываться и огненным смерчем полыхать...»

Из воды выскочили ее, не менее прекрасные подруги и, потянув Владимира за руку, увлекли в потоки бурной реки. Он почувствовал, как тело сковал сильный холод – это была одна из горных рек. Владимир, стуча зубами, окунулся в ледяные струи и через несколько минут выскочил на берег.

Он осмотрелся – судя по всему, они, действительно, были в Европе, где-то в горах. Луна щедро освещала склон пологого холма, чуть дальше, за спиной, темнел густой хвойный лес. «Похоже, и в правду, Альпы», – купание в холодной воде обострило чувства, в голове немного

прояснилось. Он дрожал от холода, лихорадочные, сумасшедшие мысли одна за другой назойливо лезли в голову: «А что если мне сбежать от трех ведьм? Любовь любовью, но я-то не чурка и не искусственный фаллос, чтобы мною пользовались, не спрашивая желаний. Ну и что, если Альпы? Это – Италия, либо Франция, либо Австрия, либо Швейцария? Хотя, может и Германия. Я бывал всюду, и с легкостью объяснюсь с любым жителем. Французский – мой второй язык. И на итальянском я говорю неплохо. Сначала добегу до первого человеческого жилища. Попрошу одежду и потихоньку выберусь в город, оттуда в столицу и в русское посольство. А? Чем черт не шутит? Может, обману судьбу? Помнится Макар предлагал уже сделать нечто похожее. Побег!»

Выходя из воды, он заметил, как дьяволицы развели костер. Откуда-то появились мягкие ковры. В их толстом, разноцветном ворсе покоились серебряные подносы, полные спелых фруктов и какой-то вкусно пахнущей еды. Дьяволицы жарили ягненка. Аромат свежего мяса и горячего хлеба сводил с ума и вызывал обильное слюноотечение.

– Иди греться к костру, нижегородский либертин. Скоро поджарится мясо, – раздался голос Мегиллы, – мужчина должен хорошо кушать, чтобы хорошо любить.

Полин и Месс задорно рассмеялись.

– И, правда, Вольдемар, вам надо перекусить. Вы потратили столько сил... А сейчас придется потратить еще больше, – лукаво проворковала Месс.

– Ты куда? – крикнула Полин. – Ягненок почти готов.

«Откуда они ягненка взяли? Поди, пока я плескался, слетали в соседнее село и загрызли волчьими зубами... Одно радует: где-то должны быть люди, живые люди...» – лихорадочно соображал Владимир.

– Я скоро, – с деланной улыбкой отозвался он.

– Вольдемар, ты куда?

– Дамы, вы столь любопытны, – стараясь выглядеть естественно, прокричал он, – я туда, куда мальчики ходят отдельно от девочек.

– Ты до сих пор терпишь?! Я недооценила тебя! – темные глаза Мег лучились беззлобной усмешкой. – Ах, дворянское отродье! Столько условностей. Делай это при нас. А мы посмотрим. Я изучала твое «дело» и припоминаю подобные факты из твоей славной биографии. Ты, проказник, при жизни очень любил самолично лицезреть «золотые дожди» у прекрасных рабынь. Откуда сейчас такая стыдливость? – крикнула Мегилла.

– Простите мне эту слабость. Я скоро вернусь, – прокричал в ответ Владимир и побежал по ночному лугу, залитому лунным светом, подальше от горной реки.

Впереди темнел хвойный лес. Туда и понесли Владимира быстрые ноги. Он бежал так, что за ушами свистел ветер. Босые ступни ощущали колкую траву. Пару раз он споткнулся, ударившись о какой-то камень, и полетел кубарем. Но снова вскочил на ноги и побежал дальше. Через несколько прыжков ровной синеватой стеной вырос густой ельник. Высокие вековые ели стояли так тесно, что Владимир едва продирался сквозь колючие заросли. Ветки царапали в кровь руки, иголки кололи глаза. Ногам стало больно от острых шишек и камней.

«Убегу, все равно, убегу!» – думал он. – Опостылела мне ваша любовь оголтелая, и есть из ваших когтистых лап я не стану. Прочь, сатанинское племя! Как только доберусь до России-матушки, так сразу же в церковь побегу».

Кровь стучала в висках, сбивалось дыхание, но он все бежал и бежал прочь от трех сладострастных дьяволиц. Впереди показалась узкая лесная тропинка, петляющая среди елей и кустов можжевельника. Из-под ног испуганно вспорхнули ночные птицы, мелькнула тень рога того оленя, проухал ночной сыч. Временами ему казалось: ноги отрываются от земли, и он уже не бежит, а парит, касаясь горячими ступнями лишь верхушек росистой травы. Владимир, действительно, взмыл к верхушке сосны, перед глазами пошатнулась луна – он потерял равновесие и стремительно полетел вниз. Все произошло слишком быстро, ладони едва успели

ухватить концы колючих ветвей и притормозить падение. Еловые ветки и сухой валежник еще сильнее оцарапали голые ноги и живот. Он шлепнулся на землю и кубарем скатился куда-то под откос. Нос уткнулся во что-то влажное и холодное – он оказался на дне неглубокой ямы, поросшей густым папоротником. Бежать не было сил. Казалось, что горячее дыхание способно разорвать легкие. Владимир растянулся на влажных от росы кустах. Грудь и живот ощутили приятную прохладу. Сколько прошло времени, он не понял. Безумно хотелось спать. Владимир свернулся калачиком и на мгновение застыл в легком упоении от единения с ночным лесом.

«Как хорошо ощутить себя свободным, одиноким зверем, отдыхающим в норе или под кустом. С каким бы наслаждением я обернулся даже голодным волком, рыщущим по ночам добычу, лишь бы только стать свободным».

Секунды капали на дно папоротниковой ямы. Владимир всем естеством вбирал чарующие и тревожные ночные запахи и звуки: колючий шорох маленьких ежей, спешащих по своему, незамысловатому делу; скольжение прохладных, юрких змей и ящериц среди прелой листвы; плач зайца, испуганного ночным филином; похрюкивание матерого кабана; легкий топот глазастой лани, обдирающей мягкими губами сочную листву. Казалось, что пройдет немного времени, и он сольется со всем этим живым миром, с зеленой массой пахучих трав и станет деревом с белыми, жадными корнями или превратится в гибкого лесного зверя или птицу.

Вдалеке слышался хруст и чье-то дыхание. Он встрепенулся, сбрасывая с себя оковы сладких грез. Надо было бежать дальше.

«Чего я раскис? Нельзя останавливаться. Надо бежать. Еще немного, и закончится еловый лес. Наверняка где-нибудь должно быть человеческое жилье, – думал он, загораясь безотчетной надеждой. – Господи! Как хочется жить!»

Густой ельник стал редеть, пространство расширилось. Владимир оказался на цветочном альпийском лугу, покрывающем еще один пологий холм. Запахло медоносом и свежим огурцом.

«Откуда тут огурцы?» – рассеянно размышлял он. Внезапно к этим ароматам добавился легкий запах гари. О чудо! С противоположного края широкого луга показалась тонкая струйка дыма. Она таяла и уходила в синее, звездное небо.

«Там человеческое жилье! – сердце забилось от радости. – Сейчас я постучусь и попрошу о помощи. Или скажу, что ограблен разбойниками. Наверняка там живут добрые, верующие люди. Они помогут мне. Дадут что-нибудь из одежды».

Глава 2

Совсем близко звякнули колокольчики, заблеяли испуганные овцы, пахло овечьей шерстью, кислым молоком и сеном.

Хватаясь руками за короткую траву, Владимир, словно зверь, взбежал на вершину холма. Перед ним стояла небольшая, срубленная из сосны, хижина пастуха. Рядом располагался плетеный загон, полный тучных, кудрявых овец.

Почти на цыпочках он подкрался к крыльцу. Откуда не возьмись выскочила огромная черная собака и, уставившись на Махневу, зарычала, ощерив клыкастую пасть. Шерсть на собаке вздыбилась, глаза налились кровью. Собака залаяла, потом остановилась, снова зарычала и протяжно взвыла. Леденящий вой взвился в темное небо. В домике послышались приглушенные стуки, возня, метнулось пламя свечи. К маленькому окну прилип чей-то красный, расплющенный нос и два маленьких тревожных глаза.

* * *

– Marius, tu as entendu le bruit?⁹ – спросила испуганная женщина в белом чепце и льняной ночной рубашке. Она поджала полные ноги и отодвинулась к бревенчатой стене. Заспанные глаза округлились. Белое, одутловатое лицо приобрело совиные черты. Она выжидающе смотрела на маленького коренастого мужа, лежащего на спине.

– Non, je n'ai pas entendu¹⁰, – хрипло отозвался он и перевернулся на бок. Но сон сняло, словно рукой.

– Donc, pourquoi le chien aboyait?¹¹

– Je ne sais pas. On va voir, Françoise¹²

Пастух Мариус поднялся и прислушался: за окном подул ветер. «Надо бы проверить овец. Вдруг волк забрался в загон?» – озаботился он. И стал нехотя натягивать овечью безрукавку и шарить под ногами стоптанные башмаки. Собака снова залаяла и странно зарычала, а после взвыла так, что у пастуха и его жены стало нехорошо на сердце. Деревянными негнушимися ногами Мариус подошел к входной двери. Он снова напряг слух и, постояв в нерешительности, вернулся. Рука нащупала в углу длинный топорик и старый охотничий карабин. Толстая Франсуаза с трудом слезла с кровати, одернула длинную рубаху, охнула и засеменила за мужем.

Мариус распахнул дверь, ночной воздух ворвался в дом вместе с ярким столбом холодного лунного света. Он увидел следующую картину: верный пес Патрик шерился, скулил и лаял, глядя на пустое место.

– Le chien est en fureur?¹³ – раздался испуганный голос жены.

– Non, je ne pense pas...¹⁴

* * *

«Какое счастье, они говорят по-французски», – обрадовался Владимир.

---

⁹ Мариус, ты слышал стук? (франц.)

¹⁰ Нет, не слышал. (франц.)

¹¹ Почему залаяла собака? (франц.)

¹² Я не знаю. Надо пойти, посмотреть, Франсуаза. (франц.)

¹³ Собака взбесилась? (франц.)

¹⁴ Нет, я не думаю. (франц.)

– Messieurs, aidez-moi, s'il vous plaît,¹⁵ – жалобно молвил Махнев.

Затем он повторил свою просьбу, но гораздо громче, почти выкрикнул ее. Но, ни пожилой низкорослый мужчина в овечьей безрукавке, ни его толстая жена никак не отреагировали. Они стояли в трех шагах и смотрели сквозь него. Прижав морщинистую, грубую от работы руку ко лбу, пастух тревожным, зорким взглядом всматривался в темноту ночного луга. Он не видел Владимира...

Мариус цыкнул на собаку, потрепал по острой, слюнявой морде, успокаивая. Шаркающей походкой пошел проверять загон с овцами. Он прошел мимо Владимира, всего в нескольких дюймах от его руки, но так и не отреагировал на его присутствие. Лишь верный пес Патрик продолжал шериться и скулить, глядя на то место, где стоял Владимир Махнев. Пока пастух проверял загон с овцами, пес бегал рядом, настороженно поглядывая на непрошеного гостя. Но после он рванул в сторону и, сев в нескольких метрах от дома, задрал черную морду прямо на луну. Сонная альпийская долина вздрогнула от тоскливого, холодящего душу, собачьего воя.

«Они не видят меня. Я – призрак! Я – мертвец!» – от этой мысли Владимиру стало столь же тоскливо, как и псу Патрику. Он упал на колени и взвыл, подобно собаке.

* * *

– Смотри, Полин, сколь волка не корми и не ласкай, он все равно в лес бежит. В нашем случае все также, только пристрастия другие, да и волк слишком жалок, – раздался хриплый голос Мегиллы.

Владимир лежал ничком, уткнувшись в росистую траву, когда почувствовал на плече чью-то прохладную руку.

– Что, дурачок, не увидели тебя пастух и его глупая женушка? А может, они слепые? Так ты бы рванул сразу до русского посольства. Глядишь, там бы тебя и разглядели, – хохотнула Месс. – В посольствах господа – важные, все в очках, да с моноклями сидят, им-то, поди, лучше видно.

Владимир поднял голову и медленно встал с колен. Его взгляд был полон тоски, ненависти и какой-то вызывающей обреченности. Три обнаженные ведьмы, напротив, выглядели довольно спокойно, лишь насмешливые улыбки слегка кривили их пухлые губы. Они стояли недалеко от дома пастуха и, судя по всему, были тоже невидимы.

Патрик взвыл еще громче. Мегилла подошла к псу, наклонилась, узкая ладонь, увенчанная длинными, темно-вишневыми ногтями потрепала пса по голове, острый пальчик почесал за ушком. Патрик перестал выть, поперхнулся, закашлял по-собачьи, а после заскулил и, поджав хвост, убежал в сторону дома.

– Вот, что нам теперь с тобой делать? Во-первых, ты нас обидел, ибо сбежал не только от любезно предоставленного тебе роскошного ужина, во-вторых, и это – самое главное – ты хотел оставить двоих из нас неудовлетворенными. Знаешь дружок, возбуждение наше остыло, но таких обид мы не прощаем. Мы отправим тебя на все пять часов в один из нижних пределов. Да, да, именно на пять, не менее. Ты знаешь, как мы умеем играть со временем. – Черные глаза Мегиллы полыхнули злобным огоньком. – Дамы, я предлагаю: котел с кипящей смолой, а после публичную порку на городской площади какого-нибудь европейского городишки, века этак 14? Пойдет?

– А я предлагаю бросить его на все пять часов в застенки инквизиторов. Я знаю одного, его зовут отец Руперт. Он ловко умеет снять кожу с живого человека так, что тот будет ровно десять минут бегать и думать, чем бы прикрыть наготу, – хохотнула Месс. – Смеею заметить, что хоть вы, господин Махнев, нынче являетесь, по сути, бесплотным духом, однако, сие обстоя-

---

¹⁵ Господа, помогите, пожалуйста. (франц.)

тельство не избавит вас от полноты всех ощущений физической плоти. Ибо, как вас, наверное, уже предупредили: этот мир непредсказуем и коварен сверх меры. Особенно это касается новичков, ибо глас плоти в них звучит еще очень долго. К чему я все это вам говорю? Да лишь к тому, что все прелести инквизиторских пыток вы испытаете так, словно обычный человек. Я вам это обещаю.

– Дамы, смотрите, наш беглец сейчас упадет в обморок. Он и так уже бледен, словно византийское полотно. Я предлагаю его простить на первый раз. Он же у нас еще такой несмышленный глупыш, – возразила Полин с плохо скрываемой тревогой. – Да и потом, какое же нам в этом удовольствие?

– Ну, не скажи, работу отца Руперта я всегда наблюдала с удовольствием, – возразила кровожадная Месс.

Она подошла к Владимиру. Ее ладонь так крепко ухватилась за руку Махнева, что ему показалось, будто в кожу воткнулись тысячи острых игл. Она взлетела над землей и приподняла его также легко, как если бы Владимир не весил более одного фунта. К ней подлетела Мегилла. Вид обеих ведьм говорил о том, что они настроены крайне решительно.

– Месс, Мегилла, я сама люблю бывать на сессиях отца Руперта... Но настоятельно прошу: давайте его простим на первый раз. Я предлагаю всем вернуться домой, в тот предел, где мы недавно были, в шатер. И... – Полин лихорадочно соображала, что предложить двум, не на шутку разозлившимся подружкам. – И заставить его ублажать нас до потери сознания. Это и будет для него приличным наказанием. А? Каково? Зачем же доставлять удовольствие отцу Руперту, ежели мы сами можем его получить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.